

Е.Е. Надточий

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЖАНРА НЕКРОЛОГА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: НЕКРОЛОГИ Н.М. КАРАМЗИНА

Анализируются первые писательские некрологи, опубликованные в России в начале XIX в. Рассматриваются закономерности становления жанра в период формирования новой эмоциональной культуры. Акцентируется изменение в восприятии смерти, принципиальное для некролога. Устанавливаются ключевые моменты трансформации жанра в некрологах Н.М. Карамзина о И.Ф. Богдановиче (1803). Делается вывод о том, что Н.М. Карамзин переносит акцент со служебных заслуг на «жизнь сердца» своего героя, смерть которого становится поводом для рассказа об истории личности.

Ключевые слова: некролог; Н.М. Карамзин; И.Ф. Богданович; сентиментализм; «Вестник Европы».

Первые российские некрологи писателям появляются в периодике начала XIX столетия. Ю.М. Лотман отмечает, что именно на рубеже веков все страсти, помыслы и желания были сосредоточены на земной жизни, а смерть являлась моментом, в котором пересекались христианские представления о бессмертии души с восходившими к античности идеями посмертной славы [1. С. 210]. В период главенства сентименталистской поэтики идеологом новой эмоциональной культуры становится Н.М. Карамзин. Ему и принадлежит авторство первого отечественного некролога. По мнению Т.Б. Фрик, понимание и осознание конечности человеческого бытия во многом определяют характер философских размышлений писателя, его моральных максим [2. С. 160].

Системное изучение жанра некролога, как он представлен в русской литературе XIX в., еще не производилось. Это касается и такой его разновидности, как некролог писателю. В настоящее время можно найти лишь несколько работ, посвященных данной теме. Так, социолог литературы А.И. Рейтблат предложил рассматривать некролог как биографический жанр, в котором, на его взгляд, акцентирована, прежде всего, общественная полезность умершего [3. С. 196]. Теоретик и историк журналистики А.А. Тертычный вписывает некролог в систему информационных жанров, где первостепенным является сообщение о факте смерти [4. С. 56]. Эти исследования оперируют ограниченным историко-литературным материалом и не претендуют на реконструкцию истории жанра в ее полноте.

Между тем изучение некролога, а нас интересует, прежде всего, некролог писателю, связано, с одной стороны, с чрезвычайно актуальными междисциплинарными направлениями современных гуманитарных наук – исследованиями исторической памяти и персональной истории, мемориальной культуры, культурного канона, а с другой – с важными вопросами истории русской литературы, взятой и в своем эстетическом измерении, и в аспекте институциональном. Некролог фиксирует в памяти современников определенный образ ушедшего из жизни кем-либо примечательного лица и тем самым запускает в действие сложные процессы увековечивания или забвения, наращивания символического капитала (П. Бурдьё) или его уменьшения, последующей культурной канонизации или деканонизации. Появление некрологиче-

ских текстов инициируется разными институтами литературы – литературными «патронами» (монархами, вельможами, меценатами, покровителями, начальниками и руководителями), дружескими сообществами, литературными группами и направлениями – и в сильной степени зависит от внутринституциональной культуры. Сложно переоценить значение некролога как отправной точки вхождения в национальный литературный канон или исключения из него. Наконец, некролог является отражением эстетики и поэтики эпохи в ее существенно важном вопросе репрезентации жизни и смерти.

Данная статья предпринимает лишь первые шаги в осмыслении этого комплекса проблем, обращаясь к локальному материалу – первым некрологам Н.М. Карамзина о И.Ф. Богдановиче. В последующую четверть века именно карамзинские модели обусловили становление жанра в институциональном ключе (агентом-инициатором некролога все больше становились дружеские сообщества) и в плане эстетическом (смена просветительско-классицистической концепции личности сентименталистской, определяющей новую поэтику).

Появлению первого российского некролога писателю предшествовала длительная предыстория. В основу жанра легла житийная традиция, преобразованная в литературе XVIII в. (ср. «Житие Федора Васильевича Ушакова» А.Н. Радищева) в посмертное светское повествование о жизни простого человека (т.е. не святого). В подобном тексте герой, о котором рассказывалось с опорой на конкретные факты биографии, создавал, в то же время, образ идеальной личности. Поэтика посмертного текста использовала инструментарий и других жанров XVIII в., публицистических («слово на смерть», биография) и лирических (эпитафия, траурная ода, стихотворение «на смерть», кладбищенская элегия и др.). Они и впредь будут сопровождать функционирование некролога в литературе. Вместе с тем общей чертой этих жанров являлась ориентация скорее на устойчивый тип героя, подлежащего увековечиванию в памяти современников, под который подверстывались конкретные персонажи, терявшие в ходе репрезентации индивидуальные черты.

Собственно литературный некролог рождается в эпоху становления в России новой эмоциональной и, соответственно, новой мемориальной культуры.

А.Л. Зорин, в частности, указывает на роль в этом повороте «сентиментальных» путешествий. Например, ученый обращается к воспоминаниям Карамзина во время его странствий по Швейцарии, где он побывал на могиле великого поэта Соломона Геснера. «Карамзин развернул целый набор фундаментальных концептов европейской сентиментальной культуры: здесь и мысль о бессмертии поэзии, превышающей славу завоевателей, и идея высокого нравственного предназначения искусства, и меланхолические размышления на свежей могиле певца, наполняющие юного собрата стремлением идти по стопам ушедшего» [5. С. 157]. Жанр некролога оказался востребован в России, когда стала интересна уникальная личность отдельного человека. Сама смерть в этом случае являлась частью индивидуальной судьбы и требовала особой рефлексии.

Изучая отношение к смерти в европейской традиции, французский историк Ф. Арьес в работе «Человек перед лицом смерти» говорит о постоянных изменениях этого процесса. Такая трансформация связана, по мнению ученого, с разными культурными эпохами и историческими периодами. Например, к концу XVII в. в культуре Западной Европы на смену страху смерти и побуждению к благочестивым медитациям приходят воспоминания о покойном. С XVIII в. рекомендуемые ученой элитой приготовления к смерти имели целью переключить внимание людей с самого смертного часа на весь ход предшествующей жизни, а это обостряло внимание к индивидуальности [6. С. 342].

Показательный пример, характеризующий не только отношение к смерти, но и значение человеческой личности в культуре России конца XVIII в., приводит Ю.М. Лотман в работе «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства». «Державин посетил умирающего А. Суворова. Суворов, которого мнение потомства волновало и в эту минуту, спросил Державина, что бы он написал на его могиле. Державин отвечал, что много слов тут не надо, достаточно – “Здесь лежит Суворов”. Умирающий пришел в восторг: “Помилуй Бог, как хорошо”. В этой надписи, в ее лаконизме, напоминающем язык Цезаря, в отказе перечислять чины, должности, ордена и заслуги, была высокая гордыня: то, что составляет неподражаемое “я” полководца, личностное достояние – выше всех наград» [1. С. 214].

Нравственный кодекс русского дворянина конца XVIII – начала XIX в. сохранял многое от представлений, характерных для эпохи Сумарокова, и вместе с тем обогатился понятием «чувствительность». Сентиментализм дал возможность современникам сделать первостепенным объектом внимания человека и человеческие качества, а его главными достоинствами определил мягкосердие, способность к преданной дружбе и любви, умение ценить красоту природы и произведений искусства. Характер человека рубежа веков раскрывался не в чрезвычайных происшествиях, а в его повседневной жизни [7. С. 158].

Литераторы рубежа веков в чувствительности акцентировали в первую очередь эстетическое содержание [8. С. 4]. Сентименталисты всячески подчеркивают независимость «достоинства» человека от его

служебных успехов и деловых качеств. [7. С. 61]. Особый интерес русских сентименталистов вызвала руссоистская идея о первостепенности образования сердца. Нужно сказать, что душа, сердце, эмоции становятся главными объектами для поэтической рефлексии. В эстетике чувств по-своему интерпретируется идеальное и реальное: две этих сферы начинают сближаться, и критерий естественности приобретает первостепенное значение. Сентиментальный герой имеет глубочайшее чувство природы, он «друг натуры». Природа становится наставницей человека и художника [7. С. 88].

В 1803 г. Н.М. Карамзин пишет первый некролог о своем современнике И.Ф. Богдановиче, где обращается к личной жизни умершего. В новую жанровую модель он закладывает представление о первостепенном значении человеческого в писателе, поставив, по сути, частное его существование выше государственных свершений и заслуг. На этапе становления жанра некролог впитывает в себя ключевые черты сентиментализма. Героем посмертного текста становится человек, проживший «жизнь сердца». С течением времени, отражая влияние историко-культурного контекста, жанр трансформируется, и рассказ о личных качествах умершего расширяет диапазон мотивов и тем углубляет психологическую перспективу. Но их основной набор был репрезентирован творцом «Писем русского путешественника» уже в инициальных некрологических текстах.

Первый некролог Н.М. Карамзина под заголовком «О смерти автора “Душеньки”» был опубликован в февральском номере журнала «Вестник Европы». Уход из жизни создателя знаменитой поэмы стал поводом к созданию лаконичной траурной заметки, в которой автор просил близких умершего сообщить информацию о жизни поэта, чтобы «напечатать краткое описание жизни его» [9. С. 228]. В майском номере журнала Карамзин публикует уже развернутый очерк «О Богдановиче и его сочинениях», который представляет новую версию некрологического жанра – литературный портрет. Его поводом, как и в заметке, также является смерть автора «Душеньки», но здесь предпринимается попытка, с одной стороны, полно раскрыть внутренний мир личности, а с другой – вписать ее образ в литературную мемориальную панораму. Здесь следует учитывать, безусловно, сложную жанровую природу этого произведения, которое, с одной стороны, имеет целью обозреть творчество И.Ф. Богдановича, т.е. является образцом литературной критики, но с другой – продолжает некрологическую интенцию. Именно на ее фоне достигается особая выразительность образа сентиментального героя – любимца муз.

В развернутом некрологическом очерке Карамзин начинает биографическое повествование с ключевых тем сентиментализма – с любви к искусству и с прекрасной природы, на лоне которой воспитывается герой: «Коллежский советник Ипполит Федорович Богданович родился в 1743 году, декабря 23, в *счастлимом климате* Малороссии (здесь и далее курсив наш. – Е.Н.), в местечке Переволочном, где отец его был при должности; ему и нежной матери он един-

ственно обязан первым своим образованием. Таланты иногда долго зреют, но всегда рано открываются: *уже в детстве Богданович страстно любил чтение, рисование, музыку и стихотворство*» [10. С. 3–4]. Сплетение мотивов искусства и природы в единый комплекс сразу задает основную тему органичности личности и, как следствие, творчества писателя.

Нетрудно заметить, что акцентированные здесь качества восходят к приметам сентиментального героя как такового, достаточно привести параллель с повестью Карамзина «Бедная Лиза» (1792). «*Он читывал романы, идиллии; имел довольно живое воображение и часто переселялся мыслями в те времена, в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои проводжали*» [11. С. 610]. Хотя в данном фрагменте соседство тем искусства и природы подано иронически и проецируется на ветренность героя (Эраста), но в образе Лизы оно проявится со всей серьезностью.

Стоит отметить, что любовь к чтению является важной чертой сентиментального героя. Н.Д. Кочеткова по этому поводу пишет: «Проблема чтения в произведениях русского сентиментализма связана с исследованием такого явления, как “пережитая литература в литературе”. Жизнь каждого литературного произведения продолжается и за его пределами, а читатель ориентируется на такого героя, который соответствует его потребностям в иллюзиях, конфликту с окружающим миром или недостаткам собственного опыта» [7. С. 161]. Под пером Н.М. Карамзина эта интенция приобрела обратное измерение: читающим героем в статье «О Богдановиче и его сочинениях» стал не вымышленный персонаж, с которым мог себя ассоциировать реальный читатель, а вполне конкретный человек, биография которого начинала моделироваться в «романном» ракурсе и, более того, приобрела статус образца, примера для подражания.

Знаменательно здесь само соположение, даже хронологическое, и внутреннее сближение в творчестве Н.М. Карамзина биографических и романских нарративов. В том же 1803 г. он пишет свое последнее художественное произведение – роман «Рыцарь нашего времени». При описании жизни «чувствительной души» большое значение имеют факторы воспитания, отсылающие к соответствующей модели нарратива. Повествования о ранних годах жизни героя, каком-то событии, заложившем черту характера, образуют сюжет для тринадцати глав романа. Писатель рассказывает о том, как складывается личность в раннем детстве. В центре внимания Карамзина внутренний человек, жизнь души, которая формируется под воздействием прекрасной природы, в атмосфере нежной родительской любви, чтения, морального воздействия ближайшего человеческого окружения. Важным в этом случае является экскурс в раннее детство героя, который демонстрирует закономерную связь характера со средой, влияющей на нравственный облик человека [12. С. 396].

В русле подобной же логики, рисуя образ сентиментального героя-поэта, Н.М. Карамзин включает в

некролог историю из его юности, раскрывающую внутреннее «Я» И.Ф. Богдановича: «Однажды является к директору Московского театра мальчик лет пятнадцати, скромный, даже застенчивый, и говорит ему, что он дворянин и желает быть – актером! Директор, разговаривая с ним, узнает его *охоту к учению и стихотворству*; доказывает ему неприличность актерского звания для благородного человека; записывает его в университет и берет жить к себе в дом. Сей мальчик был Ипполит Богданович, а директор театра (что не менее достойно замечания) – Михайло Матвеевич Херасков» [10. С. 4–5]. Герою некролога присущи и другие черты сентиментального персонажа – благочестие, искренность, открытость, эмоциональность: «Богданович от искренности своей казался иногда смелым; но если слово его оскорбляло человека, то он *готов был плакать от раскаяния*; чувствовал нужду в осторожности и через десять минут *следя опять движению своей природной откровенности: слабость души нежной и прекрасной*, которая иногда и самую долговременную опытность побеждает!» [10. С. 7]. Подобные характеристики часто встречаются в некрологе, что работает на создание образа писателя, который прожил интенсивную «жизнь сердца». «Все знакомые и приятели Богдановича единогласно хвалят его моральные свойства, тихий нрав, чувствительность, бескорыстие и какую-то невинную веселость, которую он сохранил до старости, и которая делала его приятным в дружеском обществе» [13. С. 110].

Закономерен и финал его биографии, приходящий на бурную эпоху европейских революционных движений, от тревог которой, однако, чувствительная душа стремится уйти в мирное уединение: «Тогдашние бедствия Европы, разительная картина непостоянств фортуны в отношении к людям и к государствам, самая светская печальная опытность могли в добром и нежном сердце его произвести склонность к мирному уединению. Приятный климат, любезные воспоминания детства и самая вернейшая связь в мире, дружба родственная, влекли Богдановича к счастливым странам Малороссии. <...> Мирная совесть, пятьдесят лет, проведенных в наблюдении строгих правил чести; кроткая, но всегдашняя деятельность благородных способностей человека: ума образованного и зрелого, воображения еще не угасшего; чтение авторов избранных, обхождение с людьми добрыми и близкими к сердцу, самое единообразие простой жизни, любезное в некоторых летах, были счастьем Богдановича, истинным и завидным, которого желают все люди, живущие для славы собственной и пользы других в шуме светском и которого милым образом украшают они *в мыслях последние дни свои в мире, дни отдохновения и покоя!*...» [13. С. 106–107].

Смерть на лоне прекрасной природы, в кругу друзей и близких, среди мирных творческих занятий становилась вершиной, закономерным финалом некролого-биографического повествования. Но, заметим, моральная семантика пронизывала и другие эпизоды статьи, становясь частью общей рефлексии Н.М. Карамзина над проблемой смерти: «Таланту приятно хвалить талант; доброе сердце любит изъявлять ува-

жение к хладному праху, в котором жила душа благородная» [9. С. 228]. В некрологе возникали и вопросы, тесно связанные со смертью – свобода воли, отношения с Богом, бессмертие души: «В начале декабря 1802 году Богданович занемог, быв всегда не крепкого сложения; томился четыре недели, и кончил жизнь 6 января, к горести родных, друзей и всех любителей Русской Словесности: ибо он еще не дожид до глубокой, маститой старости, которая бывает последним знаком Небесного благоволения к земным странникам, облегчая их переход в вечность» [13. С. 110]. Н.М. Карамзин часто размышлял на тему смерти в своих письмах, при этом данная тема пересекается с мотивом страха потери близкого человека: «Мы в других начинаем умирать, теряя ближних сердцу, делаемся равнодушнее к жизни и менее способными веселиться ею» [14. С. 175]. Тема смерти в эпистолярной Карамзина реализуется и в мотивах быстротечности жизни, смерти как пробуждения ото сна. «Понимание земной жизни как чего-то эфемерного, а жизни после смерти, как яви, имеет в творческом сознании Карамзина религиозно-философское звучание, связанное с идеей бессмертия и нетленности души» [2. С. 161]. Таким образом, можно предположить, что созданию первых некрологов предшествовали не только общекультурные изменения эпохи, но и личные переживания самого Н.М. Карамзина, который желал понять и описать уход из жизни реального, некогда знакомого человека.

Обстоятельства служебной биографии И.Ф. Богдановича в очерке Н.М. Карамзина отодвигаются на второй план (ср.: «Занимаясь стихотворством Богдановича, мы забыли службу его» [13. С. 106]), внимание посвящено творчеству, в особенности главному произведению – поэме «Душенька», которая препода-

носится как «произведение души». Обширные цитаты из нее составляют основной корпус статьи: «Желая... украсить гроб сего любезного поэта собственными его цветами, напомним здесь любителям русского стихотворства лучшие места “Душеньки”» [13. С. 75]. Примечательно, что прижизненную и посмертную славу И.Ф. Богдановичу приносит произведение, не относящееся к высоким жанрам, это была «ироико-комическая поэма», отмеченная, однако, легкостью слога, галантностью, вниманием к душевным движениям героев и тонким комизмом.

Некрологический очерк Н.М. Карамзина имел решающее значение для формирования посмертного образа героя: И.Ф. Богданович так и останется в культурной памяти «чувствительным поэтом» и «певцом Душеньки», этот миф успешно перекрыл все перипетии реальной биографии и творческие начинания автора. Акцентируем, что и в институциональном плане Н.М. Карамзин прочно ассоциировал поэта не столько с системой патронажа (хотя и не преминул сказать об одобрении «Душеньки» императрицей Екатериной II), сколько с дружеской литературной средой, к которой и обращался в своем очерке: «Друзья Богдановича, которых он, однажды нашедши, не терял никогда, – а еще долее любители русских талантов сохраняют его память: ибо творец “Душеньки” будет известен потомству – как стихотворец приятный, нежный, часто остроумный и замысловатый» [13. С. 111].

Таким образом, сентиментализм акцентировал в культуре человеческое «я», а смерть стала восприниматься как событие, достойное многосторонней рефлексии. Карамзин как один из главных авторов рубежа XVIII–XIX вв. создает уникальный для русской литературы текст – некролог, в котором смерть становится поводом для рассказа персональной истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX века. СПб. : Искусство – СПб, 1994. 400 с.
2. Фрик Т.Б. Элегические мотивы в письмах Н.М. Карамзина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 159–168.
3. Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 416 с.
4. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М. : Аспект Пресс, 2006. 312 с.
5. Зорин А.Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
6. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М. : Прогресс-Академия, 1992. 526 с.
7. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб. : Наука, 1994. 282 с.
8. Кочеткова Н.Д. Ирония Карамзина как компонент его чувствительности // Чувствительность в литературе, искусстве, культуре конца XVIII – начала XIX века. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 4–11.
9. Карамзин Н.М. О смерти автора Душеньки // Вестник Европы. 1803. Ч. VII, № 3. С. 227–228.
10. Карамзин Н.М. О Богдановиче и его сочинениях // Вестник Европы. 1803. Ч. IX, № 9. С. 3–18.
11. Карамзин Н.М. Избранные сочинения. М.; Л. : Худож. лит., 1964. Т. 1. 809 с.
12. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. М. : Высш. школа, 2003. 396 с.
13. Карамзин Н.М. О Богдановиче и его сочинениях (окончание) // Вестник Европы. 1803. Ч. IX, № 10. С. 75–111.
14. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений : в 18 т. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. Т. 18: Письма. 624 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 декабря 2020 г.

To the History of the Formation of the Obituary Genre in Russian Literature: Obituaries by Nikolay Karamzin
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463,42–46.
DOI: 10.17223/15617793/463/5

Ekaterina E. Nadtochi, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nadtokaterina@gmail.com

Keywords: obituary; death; Nikolay Karamzin; Ippolit Bogdanovich; sentimentalism; *Vestnik Evropy*.

The article analyzes the first Russian obituaries by writers published in Russian periodicals at the beginning of the 19th century. Due to the fact that the emotional culture of this time is closely connected with sentimentalism, this study examines how the new era

and the contemplation of death are reflected in the first obituaries. The influence of sentimental poetics on the description of the deceased is worth noting separately: biographical information presented as a perception of a writer's "heart" rather than mind, inclusion of private stories in the obituary, emphasis on the sensitive understanding of nature. In the course of the study, the author turns to the first practices of writing posthumous texts. In Russia, the first obituary by a writer was published in 1803 in the magazine *Vestnik Evropy* [Herald/Messenger of Europe]. The writer is Nikolay Karamzin, and the text is dedicated to the death of another sentimentalist Ippolit Bogdanovich. Karamzin puts writer's individuality above his merits and creative talent, thereby defining the genre as he sees it. Yu.M. Lotman's and A.L. Zorina's works on the history of culture, as well as O.B. Lebedeva's and N.D. Kochetkova's works on the history of Russian literature of the 18th – early 19th centuries, were chosen as the methodological basis of the study. Obituaries for the death of Bogdanovich were used for analysis. Modern literary studies do not offer an integrated approach to the study of obituaries. In this regard, the urgent tasks of the study are to create a comprehensive vision of the problem and identify the factors that led to the formation of the genre of an obituary by a writer in Russia and indicated its ambivalence. In this study, the author is more interested in the obituary for the death of writers. Its analysis is associated with current interdisciplinary areas of modern humanities (studies of historical memory and personal history, memorial culture, cultural canon), on the one hand, and with important issues of the history of Russian literature taken both in its aesthetic dimension and in the institutional aspect, on the other. This article makes only the first steps in understanding this set of problems using local material – the first obituaries by Karamzin to the death of Bogdanovich. In the following 25 years, it was Karamzin's models that conditioned the formation of the genre in an institutional way (friendly communities increasingly became the initiator agent of the obituary) and in an aesthetic aspect (a change in the enlightening-classicist concept of a sentimentalist person, which defined new poetics). The author makes the conclusion that sentimentalism accentuated the human "self" in culture, and death began to be perceived as an event worthy of a multi-way reflection.

REFERENCES

1. Lotman, Yu.M. (1994) *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva XVIII – nachala XIX veka* [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility of the 18th – early 19th centuries]. St. Petersburg: Iskusstvo – SPb.
2. Frik, T.B. (2015) Elegiac motives in N.M. Karamzin's letters. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (33). pp. 159–168. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/33/12
3. Reytblat, A.I. (2014) *Pisat' poperek: Stat'i po biografii, sotsiologii i istorii literatury*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 416 s.
4. Tertychnyy, A.A. (2006) *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodicals]. Moscow: Aspekt Press.
5. Zorin, A.L. (2016) *Poyavlenie geroya: iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka* [The emergence of a hero: from the history of Russian emotional culture of the late 18th – early 19th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Aries, E. (1992) *Chelovek pered litsom smerti* [Man in the face of death]. Translated from French. Moscow: Progress-Akademiya.
7. Kochetkova, N.D. (1994) *Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniya)* [Literature of Russian Sentimentalism (Aesthetic and Artistic Searches)]. St. Petersburg: Nauka.
8. Kochetkova, N.D. (2016) Ironiya Karamzina kak komponent ego chuvstvitel'nosti [Karamzin's irony as a component of his sensitivity]. In: *Chuvstvitel'nost' v literature, iskusstve, kul'ture kontsa XVIII – nachala XIX veka* [Sensitivity in literature, art, culture of the late 18th – early 19th centuries]. Moscow: IWL RAS. pp. 4–11.
9. Karamzin, N.M. (1803) O smerti avtora Dushen'ki [On the death of the author of Dushenka]. *Vestnik Evropy*. VII (3). pp. 227–228.
10. Karamzin, N.M. (1803) O Bogdanoviche i ego sochineniyakh [On Bogdanovich and his works]. *Vestnik Evropy*. IX (9). pp. 3–18.
11. Karamzin, N.M. (1964) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Khudozh. lit.
12. Lebedeva, O.B. (2003) *Istoriya russkoy literatury XVIII veka* [History of Russian Literature of the 18th Century]. Moscow: Vyssh. shkola.
13. Karamzin, N.M. (1803) O Bogdanoviche i ego sochineniyakh (okonchanie) [On Bogdanovich and his works (end)]. *Vestnik Evropy*. IX (10). pp. 75–111.
14. Karamzin, N.M. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 t.* [Complete works: in 18 volumes]. Vol. 18. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub.

Received: 15 December 2020